

Ужин, который нельзя разогреть

ОСТЫВШИЕ БЛЮДА

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ТРИЛЛЕР

МАРГО ЭРВАНД

18+

Марго Эрванд
Остывшие блюда

«Автор»

2026

Эрванд М.

Остывшие блюда / М. Эрванд — «Автор», 2026

Дебора Льюис приехала в горный отель, чтобы провести идеальную свадьбу и получить двадцать тысяч долларов, способных изменить ее жизнь. В 5:15 утра она просыпается в чужом номере — в крови, рядом с телом убитого любовника. Она не помнит прошлую ночь. Дверь заперта изнутри. Орудие убийства исчезло. Но самое страшное — восемнадцать лет назад это уже случилось. Тогда девушку нашли мертвой после школьной вечеринки, и Дебора тоже была рядом с телом. Пока метель отрезает отель от внешнего мира, Дебора пытается скрыть улики, восстановить события ночи и понять, кто сделал ее идеальной подозреваемой. Потому что если убийца не она — значит, рядом находится человек, который ждал этого восемнадцать лет.

© Эрванд М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Часть 1	5
ДЕБОРА	5
Пролог	5
Глава 1	8
Глава 2	11
Глава 3	12
Глава 4	14
Глава 5	16
Глава 6	18
Глава 7	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Марго Эрванд

Остывшие блюда

Часть 1

ДЕБОРА

Пролог

10 февраля 2024 года

За 10 часов до

В зале душно, шумно и невыносимо одиноко. Прогуливаясь между гостями, давно сбившимися в тесные кучки, я оценивающе оглядываю каждую девушку, автоматически сравнивая себя с ними. Сейчас мой взор прикован к блондинке в длинном черном платье с пайетками и глубоким декольте от Эли Сааба. И хотя в руках у меня уже третий бокал шампанского, я все еще помню: оно стоит не меньше восьми тысяч баксов.

Восемь тысяч баксов!

Даже спустя два месяца жизни в роскоши и богатстве эта цифра продолжает казаться мне чем-то немыслимым и недостижимым. Ловлю взгляд блондинки: оценивающий, надменный и чуточку враждебный. На мне платье от Версаче за полторы тысячи баксов, но этого явно недостаточно, чтобы быть «своей» в таком обществе. Я чувствую себя фальшивкой, и, кажется, это видно всем. На ее губах вежливая, снисходительная улыбка, пытаюсь ответить той же монетой, но в горле противно саднит. Это вкус поражения. Допиваю шампанское одним глотком и тут же меняю пустой бокал на полный у официанта, проходящего мимо с подносом в руках.

Взгляд скользит по следующей группе: двое мужчин со спутницами в роскошных платьях. Я уже успела оценить образ каждой, а потому теперь предлагаю себе сыграть в другую игру: угадай, как их зовут. Нет, я не собираюсь перебирать справочник имен. Все намного прозаичнее, ведь именно я заполняла приглашения и рассылала их адресатам. Двадцать пять имен, записанных в алфавитном порядке. *Может быть, это Альфред Алькот и Джон Браун с супругами? Или же это незамужние, но чрезвычайно успешные Эмма Уокер и Аврора Кларк, пытающиеся закадрить главных холостяков вечера: Стивена Томпсона и Джейсона Миллера?*

Я не успеваю решить, какая из этих версий кажется мне наиболее правдоподобной, потому как передо мной, будто айсберг, возникает Кана Дэвис. Человек, которого я меньше всего хотела бы сейчас видеть, особенно после случившегося. Внутри все сжимается под тяжестью его холодного взгляда.

— Скучаешь? — спрашивает он, проводя рукой по идеально уложенным жгуче-черным волосам. Я тонко улыбаюсь в ответ, не представляя себе, что именно он хочет услышать. — Здесь довольно душно, может быть, нам стоит освежиться?

Я готова отказаться, когда в зале становится заметно оживление, и в следующую минуту со сцены доносятся аккорды жуткой арии из оперы «Кармен», которую Вивьен заставила меня прослушать от начала до конца не меньше сотни раз. Благо из музыкантов здесь только струнный квартет и никакого солиста. И все равно я не готова это слушать вновь.

— Почему бы и нет, — принимаю я приглашение Дэвиса.

Из зала есть выходы на три разных балкона, но он ведет меня к *тому самому*. Прежде чем выйти на свежий воздух он помогает мне набросить на плечи теплую накидку, в то время

как сам вежливо отказывается утепляться. Хочется верить, что его согревает алкоголь, а не что-то другое.

Теперь, когда солнце окончательно провалилось за горный хребет, яркий свет фонарей выхватывает из темноты снежные пики, которые с наступлением ночи кажутся еще более зловещими. Зябко кутаясь в пушистую накидку, я подхожу к перилам и делаю жадный вдох. Для человека, выросшего в Техасе, а после уехавшего покорять Голливуд, находиться в этой морозной глуши настоящее испытание, но я держусь. В конце концов, за двадцать тысяч долларов я могу и потерпеть. Крепче сжимаю деревянный поручень правой рукой, словно боюсь сорваться в безмолвную ледяную пустоту, кануть где-то в глубине этих неприступных гор.

— Чем планируешь заниматься по возвращению в Лос-Анджелес? — спрашивает Дэвис, закуривая сигарету. — Есть предложения в кино?

Почти уверена, что он догадывается: работа официанткой в убогой закуской «У Люси» — единственное, что ждет меня по возвращении домой. Но легенда гласит, что я подающая большие надежды актриса, снявшаяся за последний год сразу в трех крупных кинопроектах, а потому я кокетливо улыбаюсь, продолжая смотреть в снежную даль.

— Кто знает, я всегда открыта для новых и интересных предложений.

— Это точно, — хмыкает Дэвис, пуская в воздух упругую струю дыма. В нос тут же бьет сладкий вишневый аромат. — Но, кажется, работа на Вивьен стала чем-то особенным, не так ли?

Все-таки он видел больше, чем я думала. Тяжело вздохнув, всматриваюсь в освещенный горный склон, словно среди медленно скользящих фигур, любителей ночных катаний, пытаюсь разглядеть кого-то знакомого. Кого-то, кто смог бы раз и навсегда унять неумное любопытство и чрезмерную подозрительность Каны Дэвиса, но здесь по-прежнему только я и он.

— Хочешь моими руками расчистить себе дорогу? — Я играла в эти дурацкие игры целый месяц. Завтра последний день моей работы. Самое время сбросить маски.

— Смешно слушать. Я не нуждаюсь в помощниках. Просто хочу понять, собираешься ли ты в Лос-Анджелес или уже успела прикипеть к Нью-Йорку.

— Я уезжаю через два дня, как и было запланировано.

— Я ожидал другого, — бросает Дэвис, отправляя в воздух рыхлое облако вонючего дыма. После этого он встает справа от меня, переводя взгляд на снежные пики гор.

Мне не стоило принимать его приглашение. Но прежде чем уйти, я плотнее кутаясь в накидку и, стараясь не обращать внимания на мелкую дрожь в теле, выплевываю ему в лицо:

— Не люблю оправдывать чужие ожидания.

Мне нравится растерянность и удивление, мелькнувшие в его глазах, до того, как он успел подавить эти эмоции. Полагая, что наш разговор окончен, иду к двери, когда слышу его ответ, брошенный мне в спину:

— Главное — оправдай свои.

За 8 часов до

Только оказавшись в теплом зале, я понимаю, как сильно продрогла. Убираю в сторону бокал с остатками шампанского, скользя взглядом по подносу официанта в поисках чего-то более согревающего. Виски — не лучшее решение, но водку пить я не стану. Два глотка — и в груди словно вспыхивает пламя. Дыхание становится настолько горячим, что кажется, будто теперь я выпускаю в воздух клубы дыма.

К моему счастью, ария уже давно позади, и сейчас оркестр исполняет какую-то более приятную слуху, но все такую же лирическую и утонченную мелодию. «Музыка избранных» — именно такое определение дала ей метрдотель Эйва Грин, художавшая женщина, с вытянутым лицом и неприлично сухой морщинистой кожей. С Эйвой я познакомилась чуть больше месяца назад, когда приезжала сюда на дегустацию праздничных блюд. Именно ее тощую фигуру я

вижу сейчас рядом с Вивьен. Лицо каждой из них точно фарфоровая маска — ни одной эмоцией, благодаря которой я могла бы догадаться о контексте.

Может быть, моя тайна уже раскрыта?

Оборачиваюсь назад, на стеклянную дверь, ведущую на балкон. Дэвис все еще стоит на том же месте, что и минуту назад, точно совсем не чувствует ни пронизывающего холода, ни тягостной тишины. Мы с ним чужие друг другу люди: разные по духу и мировоззрению, но тем не менее в этот вечер, я уверена, нас объединяет именно оно — щемящее душу чувство поражения.

За 5 часов до

Банкет давно закончился. Все разошлись по своим номерам, переговариваясь вполголоса, возбужденные и уставшие, пьяные от вина и предвкушения завтрашнего торжества. Все гадают, как оно пройдет. И только я знаю, что случится завтра. Минута за минутой. Ведь это я все спланировала от начала и до конца...

Глава 1

11 февраля 2024 года

5:15

С трудом разлепляю веки, словно кто-то залил их клеем. В маленькие щелки пытаюсь осмотреться, но в комнате темно, холодно и тихо, только ветер злобно воет за окном. Меня знобит. Пытаюсь притянуть одеяло к подбородку, мгновенно ощущая его неожиданную тяжесть и странный металлический запах...

Прикрываю глаза, стараясь расслабиться. Обрывки вчерашнего дня неуверенно собираются в единую картину. Вот я на приеме, посвященном грядущей свадьбе. Свадьбе, которую я срежиссировала от начала и до конца, вплоть до мельчайших деталей. И несмотря на это, оказалась совсем не готовой к тому, что гости будут враждебно смотреть на меня весь вечер, безошибочно распознав чужака, не ровню их утонченному светскому обществу... Однако, нравится это или нет, но им придется не только терпеть меня весь сегодняшний день, но и безоговорочно плясать под мою дудку. Ощущение власти растягивает мои губы в улыбке, пока я, прикрыв глаза, мысленно пробегаюсь по своему расписанию:

9:00 — проверка декораций и подготовка зала;

10:00 — сборы невесты;

10:30 — прибытие парикмахера и визажиста;

11:00 — прибытие фотографа и видеооператора;

12:00 — легкий ланч для гостей, а также перекус в номерах жениха и невесты;

13:00 — финальная проверка готовности зала;

14:00 — сбор гостей в зале торжеств;

15:00 — церемония бракосочетания...

На последнем меня передергивает. Скорее всего, виноват ледяной воздух, пробирающий до костей, но я не исключаю и другие причины: раздражение, обида, злость. Поворачиваюсь на бок, и взгляд тут же цепляется за бешено раздувающуюся занавеску. Моргнув, я тру глаза, пытаюсь прогнать остатки сна, но нет,— мне не показалось. Дверь на балкон, должно быть, распахнута настежь. Вот и объяснение: и порхающей занавеске, и холоду, от которого у меня сводит челюсть, и тому, что я проснулась так рано. В темноте отчетливо светятся белые цифры: 5:23.

Тяну одеяло на себя, желая завернуться в него, но ничего не выходит. Его точно прибило к кровати. Три бесплодные попытки заставляют меня дышать так, будто я только что пробежала марафон.

«Глубокий вдох... и медленный выдох», — звучит в ушах голос доктора Селены Рейс, мозгоправа, к которому мама таскала меня в старших классах. Ее ровная, почти гипнотическая интонация всплывает в памяти только в критические моменты: когда паника накрывает с головой или же страх холодит кости. *Но сейчас ведь все спокойно, да?*

И все же затылок покрывается мурашками. Резко откидываю одеяло и сажусь на кровати, опуская ноги на пол. Он ледяной, дернувшись, я прижимаю колени к груди. Наклоняюсь к прикроватной тумбочке, чтобы выудить из нее толстые шерстяные носки, купленные на рождественской ярмарке... но их там нет. А я точно помню, как убирала их туда вчера вечером. Дурное предчувствие царапает в груди, когда за окном гулко воет ветер.

Сонный и, вероятно, не до конца протрезвевший мозг пытается найти рациональное объяснение: *может, забыла... может, положила их в другое место...* Щелкаю по выключателю — и комнату заливают мягкий свет прикроватной лампы, глазам требуется несколько секунд, чтобы привыкнуть к нему. Комната выглядит почти как моя, почти... Она больше, просторнее, и тут есть кофейный столик и два массивных кресла у окна. На одном из них лежит мужской

темно-синий бархатный костюм, при виде которого я чувствую согревающее тепло в груди. Уилл. Медленно оборачиваюсь, чтобы еще раз взглянуть в его красивое лицо... но его там нет. Больше нет.

Его обнаженное тело залито кровью, которая пропитала одеяло. Темные пятна расплзлись, как чернила по воде, окрасив красным белоснежную постель. Лицо — восковая маска с широко открытыми глазами, навсегда застывшими не то в ужасе, не то в удивлении.

Это не может быть правдой. Этого не может быть. Нет!

Я едва успеваю зажать себе рот, прежде чем из горла вырвется животный, сдавленный крик. Вскрываю и на ватных, непослушных ногах начинаю пятиться назад, цепляясь взглядом за стены, за мебель, за любой предмет, лишь бы не смотреть на кровать. В висках стучит, в голове туман, ощущение того, что я ступила на скользкий лед, становится почти осязаемым. Я могу поскользнуться и рухнуть в любую секунду.

«Глубокий вдох... и медленный выдох», — настойчиво стучит в ушах, но я отказываюсь подчиняться. *Как это случилось? Что здесь произошло?*

В памяти всплывают обрывки ночи: как мы обнимались, как он сжимал меня и покрывал поцелуями все тело, словно пытался заклеить. Словно хотел сказать всем, что я принадлежу ему и только ему, и так будет всегда, несмотря ни на что. Несмотря на то что должно было случиться сегодня...

Черт. Черт. Черт. Все должно было быть не так. Совсем не так!

Тошнота подступает к самому горлу, и я едва успеваю добежать до унитаза, когда рвотные спазмы, один за другим начинают сотрясать мое тело. Слезы, слюни, горькая рвотная пена... я пытаюсь дышать, но задыхаюсь. Мои руки в крови, я вся в крови. Оттирая рот, я поднимаюсь на ноги и заставляю себя посмотреть в зеркало.

— Не может быть, не может быть, — одними губами повторяю я, с ужасом таращась на отражение. Обхватываю себя руками, не понимая, что именно стараюсь прикрыть: наготу или пятна крови. Они повсюду. Пытаюсь оттереть одно из самых больших, пока не осознаю, что это расплывшееся красное пятно на животе уже не кровь... во всяком случае не кровь Уилла.

Прислоняюсь спиной к ледяной стене, по телу проходят судороги, как от разрядов тока. Меня трясет, и я медленно сползаю на пол. Все вокруг тускнеет, пространство сжимается. Сознание трещит, как хрупкое стекло, и в следующий миг я уже проваливаюсь в ледяную мглу своего ожившего кошмара...

...тело дрожит от холода и страха, но я продолжаю жаться в стену туалетной кабинки так, будто у меня за спиной находится какая-то потайная дверь, способная укрыть от того ужаса, который расплзается вокруг. Этот вечер должен был стать особенным. Я точно знала, что запомню его на всю жизнь по многим причинам: наш первый медленный танец, долгожданный первый поцелуй — и, возможно, даже первый секс. Когда, если не на школьном балу терять невинность? И с кем, если не с Джеком Шейдом? Но мы успели станцевать лишь один медляк, прежде чем его сильные руки сжали задницу Паркс.

Это было больно. Это было унижительно. Еще минуту назад я чувствовала себя особенной, почти королевой, а теперь стояла в стороне с двумя стаканами клубничного сока, сильно разбавленного водкой. Он отправил меня за ними, пока сам обжигался с этой суккой. Я опрокинула в себя один стакан за другим и не раздумывая вернулась за добавкой, а потом все завертелось, закружилось... и теперь я совершенно не понимаю, как это все произошло... Ее оглушительный крик звенит у меня в ушах, и, кажется, это единственное, что я слышу, а стбит хоть на секунду закрыть глаза, как я вновь вижу ее тело, распластанное на клумбе под окном. Голова повернута вправо, к небу, точно она все еще надеется увидеть рассвет, платье задралось до бедра, одна туфля слетела. Руки раскинуты, как у сломанной куклы, лишая всяких надежд. Нет сомнений, она мертва...

Сердце колотится в груди, когда я заставляю себя открыть глаза. С событий в туалетной кабинке прошло восемнадцать лет. Восемнадцать лет тишины и покоя. Восемнадцать лет — немалый срок, чтобы всерьез поверить:— этого больше не повторится.

И вот это случилось снова...

Глава 2

11 февраля 2024 года

5:45

От паров горячей воды воздух в ванной комнате стал теплым и тяжелым. Выхожу из душа и тут же кутаюсь в халат, потому что меня все еще трясет и потому что не хочу больше видеть гематомы на животе, которые сама себе сделала несколько минут назад в отчаянной попытке оттереть кровь Уилла. От одной мысли о Уилле у меня снова перехватывает дыхание, и я чувствую, как паника острыми холодными щупальцами царапает сердце. Заставляю себя дышать.

Глубокий вдох... и медленный выдох.

Подхожу к запотевшему зеркалу и провожу по стеклу растопыренной пятерней, расчищая клочок, в котором могу рассмотреть свое отражение. Мокрые светлые волосы обрамляют бледное лицо, голубые глаза кажутся блеклыми и даже бесцветными. Последний раз такой потерянной я себя чувствовала на осеннем балу восемнадцать лет назад.

Восемнадцать лет без единого срыва. Почему теперь? Почему с ним?

— Помню, как открывала бутылку шампанского, — рассеяно шепчу я, чувствуя острую необходимость проговорить вслух то, в чем я уверена. — Он сомневался, но так и не решился оттолкнуть... он поцеловал меня. Мы выпили за нас, потом... у нас был секс. Мы говорили о будущем, а после... после ничего... просто уснули...

— Соберись! — приказываю себе.

Зайдя в комнату, я продолжаю оттягивать момент, когда окажусь у кровати и снова загляну в лицо Уилла. Поэтому твердым, почти нарочито уверенным шагом направляюсь к балконной двери и закрываю ее. Занавеска, перестав метаться, опускается, замирает, и вместе с ней замираю и я. Снежные вершины за стеклом все такие же мрачные и чужие. Они вспарывают предрассветное небо своими хищными силуэтами, как и в прошлый раз, но тогда я смотрела на них иначе. После первой ночи любви с Уиллом я видела в этих горах себя: сильную и непобедимую. Теперь же в их безмолвной высоте я вижу только приговор и единственное сравнение, которое приходит в голову, — это крыса.

Я крыса, которой нужно спастись...

Снова осматриваю номер в поисках следов борьбы или чего-то еще, что могло бы все это объяснить. *Все, кроме очевидного.* Но комната выглядит такой же, как и вчера: мои туфли валяются возле кровати рядом с пустой бутылкой шампанского и какой-то черной тряпкой, блеск которой кажется мне смутно знакомым. Подхожу ближе и, нагнувшись, поднимаю с пола то, что еще вчера было роскошным платьем от Версаче за полторы тысячи баксов. Оно порвано. Причем на нем не просто маленькая дырка, у меня в руках настоящие лохмотья, точно платье рвали на части с животным остервенением. Хмурю брови, пытаюсь вспомнить, как это было, но даже воображение отказывается рисовать образ настолько страстного Уилла. Я помню, как он нежно расстегнул молнию и медленно, словно дразня меня, провел пальцем по внутренней стороне выреза на груди, поднимаясь к плечу, прежде чем аккуратно стянуть платье вниз.

Машинально распахиваю по карманам халата лоскуты ткани, подобрав с пола несколько блестящих бусин, что еще вчера собирались в красивую вышивку на платье. И только после этого наконец подхожу к кровати...

Глава 3

11 февраля 2024 года

6:10

Зажимаю рот рукой, стараясь не издать ни звука, и как будто в замедленной съемке заставляю себя взглянуть ему в лицо: безжизненное и неподвижное. К горлу подкатывает ком, и я запрокидываю голову к потолку, будто там есть спасение.

Глубокий вдох... и медленный выдох.

Мы познакомились всего два месяца назад. Когда он вошел в ресторан, мы с Вивьен уже какое-то время сидели в неловкой тишине. В тот миг у меня буквально перехватило дыхание, а весь мир сузился до одного-единственного человека. Высокий, широкоплечий, с темной банданой на голове, из-под которой в разные стороны выбивались черные волнистые пряди волос. Именно таким я когда-то представляла героя своих девичьих грез — Уилла Тернера. Мое дыхание сбилось, и я едва успела сомкнуть челюсти, прежде чем он подошел к нашему столику и без лишних пауз опустился напротив. Я ждала, что он спросит мое имя или предложит что-то заказать... и только спустя пару секунд осознала, что он разговаривает не со мной, а с Вивьен, будто совсем не замечает меня... Но разве это возможно?

Способность слышать, понимать и вообще соображать вернулась ко мне, лишь когда Вивьен неожиданно поднялась со своего стула, махнула рукой и почти на бегу сказала: *«Мне нужно уходить, но он покажет тебе Манхеттен»*.

Где-то на фоне звучала музыка — все те же рождественские мелодии, что еще пару недель будут доноситься из каждой витрины и динамика. Но в тот момент я почему-то отчетливо слышала только скрипки и виолончель. Что-то мощное и эпическое...

— Тебе говорили, что ты похож на Уилла Тернера? — не выдержала я.

— Черт, ты меня рассекретила. Тебя послал капитан Джек Воробей? — заговорщицки прошептал он, наклоняясь ближе. Словно давая возможность лучше разглядеть его лицо и запомнить каждую его черточку.

И я запомнила. А теперь этого лица больше нет... Глаза быстро наполняются слезами, и комната начинает дрожать. Он лежит в расслабленной позе, небрежно раскинув массивные ноги, мускулистые руки вытянуты: одна вдоль тела, а другая на подушке. Но я вижу только отвернутую к окну голову с широко раскрытыми в изумлении глазами, и мое воспаленное воображение тут же достраивает детали — последние секунды, боль, паника, может быть, страх. В его взгляде не ужас, не мольба, скорее недоверие. Как будто его предали.

— Почему я ничего не помню? — одними губами спрашиваю я, опуская взгляд. Белоснежное одеяло уже давно пропиталось кровью, и теперь, когда температура в комнате немного поднялась, я вновь слышу противный металлический запах. Тошнота снова подступает к горлу, и я начинаю пятиться, пока не упрусь в стену. Задыхаюсь, а перед глазами — все еще его идеальное тело, в котором я успела насчитать не меньше трех дырок.

Два года назад я пробовалась на роль в телевизионный сериал, рассчитывая стать детективом, но в итоге сыграла труп с ножевыми ранениями за восемьдесят долларов в час. Это, конечно, не делает меня экспертом, но, кажется, дырки на теле Уилла выглядят в точности как те, которые тогда с помощью краски и силикона создавали на моем животе.

В голове по—прежнему каша, поэтому я действую скорее инстинктивно: обыскиваю прикроватные тумбочки, письменный стол, встроенный шкаф у входа. Но не вижу ничего, чем можно было бы нанести такие жуткие ранения.

Черт возьми, я сейчас что, искала нож? Откуда ему тут взяться? И все же это не остановило меня от того, чтобы потратить время на его поиски. Я посмотрела везде и теперь точно знаю, что его здесь нет. А значит, это не...

Но я не успеваю закончить эту спасительную мысль, потому как взгляд останавливается на балконной двери. И все внутри сжимается в панике. Достая из шкафа теплую куртку Уилла, ощущая дурманящий запах его одеколона с яркими цитрусовыми нотами. Прижимаю воротник к носу и делаю жадный вдох. В голову лезут разные дорогие сердцу воспоминания, но я запрещаю себе проваливаться в прошлое, мне важно не терять связь с настоящим. Надеваю отельные тапки на тонкой скользкой подошве, но это лучше, чем мои шпильки, после чего иду к балконной двери и открываю ее. Меня тут же обдает холодной волной, и я впадаю в секундное оцепление. А когда снова смотрю перед собой, требуется несколько секунд, чтобы вспомнить, зачем мне вообще понадобилось выходить на такой лютый мороз. Крепче сжимаю в руках полы куртки, делая неуверенные шаги. Подошва неприятно скользит по гладким плитам. Три неуверенных осторожных шага — и я у цели. Хвастаюсь за перила одной рукой, и прошлое вновь засасывает меня...

...ноги почти не держат... тело знобит, становится трудно дышать, но я заставляю себя открыть глаза и посмотреть вниз. Еще мгновение назад Паркс была жива... улыбалась и кокетничала с Джеком... моим Джеком... а теперь ее нет... ее тело словно пытается обнять массивную клумбу, а голова повернута в сторону... мы всем классом хотели встретить рассвет... но у Оливии Паркс нет такого шанса... больше нет....

Воспоминание рассеивается так же внезапно, как и появилось, оставляя после себя привкус металла во рту. Мне требуется несколько долгих секунд, чтобы успокоить бешеный ритм сердца и осознать, где я вообще нахожусь. Я сжимаю перила крепче, чем нужно, и наконец решаюсь посмотреть вниз. И хотя территория отеля освещается так, что его можно увидеть из космоса, этого недостаточно, чтобы с высоты третьего этажа было легко и быстро разглядеть окровавленный нож. И все же я продолжаю шарить глазами по белоснежному ковру, вглядываясь в каждую вмятину, пока взгляд не цепляется за черную палку, торчащую под странным углом. Сердце тут же пускается в галоп.

«Это может быть нож», — проносится в мыслях, когда дверь на балкон соседнего номера открывается с глухим хрустом, и в следующий миг я слышу щелчок зажигалки. Отпускаю поручень и, стараясь не делать резких движений и не создавать шума, отступаю назад. Ноги предательски дрожат то ли от страха, то ли от напряжения. Еще один шаг, и я теряю равновесие. Пытаюсь ухватиться руками за стену, но вместо этого тяжело падаю на мокрый ледяной пол. С губ срывается жалобный стон, прежде чем я успеваю закрыть рот рукой. За стенкой слышится возня. Очевидно, человек, который вышел покурить в такой час, рассчитывал побыть наедине с природой, а не стать свидетелем неудачного сальто жильца из соседнего номера.

— У вас все в порядке? Помощь не нужна? — слышу я хриплый мужской голос.

Молчу, продолжая пятиться к двери. Наконец, оказавшись в комнате, я тихонько прикрываю за собой дверь как раз в тот момент, когда за спиной снова раздается: — Все в порядке?

Мое тело сжимается, и я скручиваюсь в позу эмбриона. Разумом понимаю, что меня не видно, но внутренний страх не позволяет расслабиться и я продолжаю сидеть затаив дыхание, точно он может почувствовать мое присутствие.

Мне нужно выбираться.

Глава 4

11 февраля 2024 года

7:20

Уже какое-то время я стою у стены напротив Уилла и не могу пошевелиться. В голове хоровод мыслей, но я не знаю, за какую зацепиться. Мои обрывочные воспоминания словно фрагменты придуманного кино, не имеющие ничего общего с окружающей меня реальностью. Полчаса назад я подошла к входной двери и с ужасом обнаружила задвинутую изнутри щеколду. Последняя надежда на то, что здесь мог быть кто-то еще, растаяла так же быстро, как и диковинный тexasский снег. В комнату никто не входил, здесь все это время были только мы: я и Уилл. И теперь он мертв.

И хотя, кроме меня, в случившемся винить, похоже, некого, даже в мыслях я отказываюсь верить в такое. *Я не могла! Только не Уилла!*

Последнее, что помню из этой ночи, — это то, как моя голова лежит на его груди, и он нежно пропускает между пальцев прядь моих волос.

— *Ты же знаешь, я не могу отказаться. На кону слишком много всего, — в очередной раз подчеркнул Уилл. И в тот момент его голос звучал так грустно, что на долю секунды мне показалось, будто он пытается напомнить об этом не столько мне, сколько себе самому. Эта сделка принесет ему сто тысяч долларов — а это не те деньги, от которых можно легко отказаться. — Это только на год, максимум на два, а потом я буду свободен. И сразу приеду к тебе. Хочу увидеть Голливуд твоими глазами...*

Он до последнего вздоха верил в то, что я восходящая киноактриса, и мне так и не хватило смелости открыться перед ним до конца. И только сейчас, возвышаясь над его мертвым телом, я понимаю, в чем истинная причина моего молчания. Я боялась быть отвергнутой, ведь у меня нет ни звездных перспектив, ни денег, ни грядущего наследства, только двадцать тысяч долларов, обещанные за работу организатора свадьбы.

Интересно, а я их получу?

Паника снова тянет ко мне свои холодные щупальца. Отступаю назад и наконец начинаю вытирать влажными салфетками все, к чему могла прикоснуться. Все это кажется безумием, но я столько раз видела подобное в кино, что по-другому поступить не могу. Мне нужно выиграть время, чтобы во всем разобраться...

Покончив с уборкой, я наконец подхожу к входной двери и, обмотав ручку салфеткой, собираюсь выходить, когда слышу глухой стук в дверь соседнего номера.

— Обслуживание номеров, я принесла ваши полотенца, — вежливо предупреждает свое скорое вторжение горничная, когда я прижимаюсь к глазку, пытаюсь разглядеть, что происходит снаружи. Вижу только ее большую тележку, которая находится справа от двери. И если мой мозг, охваченный паникой и ужасом, еще в состоянии соображать, то стучится она именно в тот номер, в котором живет мужчина, несколько минут назад решивший так некстати выкурить сигарету.

Какого черта ему понадобились полотенца в такую рань?

В коридоре снова наступает тишина: напряженная и мучительная. И сколько бы я ни крутила головой в поисках нужного ракурса, в глазок мне по-прежнему видно только дверь напротив, фрагмент пустого коридора и тележку. Снимаю с крючка табличку «Не беспокоить» и, присев на корточки, аккуратно открываю дверь и, не теряя ни секунды, вешаю табличку.

— Еще раз извините за это недоразумение, — снова слышу низкий голос горничной и быстро закрываю дверь. Сердце бешено стучит в груди, в голове гул. Перестаю дышать, ожидая дальнейшего развития. Я слышу скрип колесиков. На мгновение он затихает, точно горничная сомневается в верности указаний на табличке.

«Я же повесила ее красной стороной? Красной?» — истязает меня мой воспаленный мозг, когда горничная продолжает путь по коридору, так и не нарушив покой номера 306.

Глубокий вдох... и медленный выдох.

Глава 5

11 февраля 2024 года

8:10

Только закрыв за собой дверь собственного номера, я наконец по-настоящему расслабляюсь. Роняю туфли на пол, после чего сама, как подкошенная, падаю рядом. Прислонившись спиной к стене, начинаю методично стучать кулаком по лбу, точно пытаюсь выбить остатки памяти. Я бы все отдала, чтобы забыть это чертово утро, которое за два часа перечеркнуло всю мою жизнь, отбросив в далекое и, казалось, забытое прошлое, снова превратив меня в дерганую, подозрительную, чокнутую истеричку.

И только внутренний диалог, который я начала еще в номере Уилла, — пожалуй, единственное, что сейчас удерживает меня на плаву, останавливая от неминуемого скольжения в пропасть.

После банкета Уилл прислал мне в номер бутылку шампанского с запиской: «За перемены, которых ты заслуживаешь...» Текст выглядел таким трогательным, и даже несколько сентиментальным... никогда бы не подумала, что он может быть таким... Мог... черт он уже никогда и ничего не сможет ни сказать, ни сделать. Никогда.

Мы не говорили с ним весь вечер. Не тогда, когда высокомерный ублюдок Дэвис дышал мне в спину и буравил своими маленькими мерзкими глазками, пытаясь на чем-то подловить. Идиот, похоже, ты пропустил все самое интересное, как ни старался.

С губ срывается смешок, и это дурной знак. Я на грани истерики, а значит, лавина моих кошмаров ближе, чем я думала... Закрываю лицо руками, заставляя себя сконцентрировать внимание на событиях, в которых уверена.

Эта записка была приглашением, чем еще она могла быть? И не теряя ни минуты, я отправилась к нему на третий этаж по уже хорошо известному маршруту, чтобы не столкнуться с гостями в лифте.

Вчера вечером я воспользовалась аварийной лестницей, этот же путь я повторила и несколько минут назад, вот только мотивация у этих двух одинаковых и простых действий разнится. Вчера я была во власти огня, пожара страсти, горящего в груди, но сегодня... я скована страхом и ужасом, а в груди у меня большая, всепоглощающая льдина.

«Почему я не помню ничего, что случилось после?» — этот вопрос сильнее остальных звенит в ушах, мешая думать. А мне нужны ответы.

Отбросив в сторону сомнения и страхи, на четвереньках ползу к мини-бару под столом. Протирая комнату Уилла от своих впечатков, я с наименьшей тревогой заглянула в его холодильник, где с облегчением обнаружила все миниатюры нетронутыми. Это подтвердило мои обрывочные воспоминания — мы выпили только одну бутылку шампанского на двоих. И все.

Медленно открываю дверцу, и по коже бежит мороз. Неизбежный момент истины, который уже ничего не изменит, но хотя бы объяснит. *Если я выпила водку...*

— Она здесь, — задыхаясь от неожиданно обрушившейся на меня радости, проговариваю я, хватая миниатюру в руки, словно не веря своим глазам. — Она здесь, я к ней не приоткрылась!

Но эйфория меркнет так же быстро, как возникла. Перед глазами снова белая постель, залитая кровью и неподвижное мертвое тело Уилла.

Что, черт возьми, там произошло?

Тяжело сглотнув, беру сумку, что лежит на кровати. Телефон — старая китайская модель, купленная в кредит три года назад, — с разбитым на сотню маленьких кусочков экраном никогда не вписывался в образ подающей большие надежды голливудской дивы, а потому он всегда похоронен где-то на самом дне, и мне требуется немало усилий, чтобы подцепить его

непослушными пальцами. В Лос-Анджелесе сейчас только пять утра, но я все равно набираю Монике, моей соседке по квартире и единственной настоящей подруге. Мне нужно с кем-то поговорить, иначе я сойду с ума.

Когда в трубке раздается первый долгий гудок, меня передергивает от нарастающего напряжения и отчаяния, которое в стальные тиски сжимает мою грудь. По субботам мы обычно ходим в клуб, если она решила не изменять этой привычке, то сейчас ее телефон может валяться где-нибудь на кухне или на диване под кучей подушек, способных поглотить любые звуки, даже крик о помощи...

Интересно, а Уилл звал на помощь? Он вообще что-нибудь говорил? Кричал?

В трубке раздается голос Монике, которая просит меня оставить ей сообщение после звукового сигнала, обещая перезвонить.

— Мон, мне нужно с тобой поговорить. Это срочно. Все очень-очень плохо. Я не знаю, что делать. Мне страшно. Позвони, — тараторю я, облизывая соленые от слез губы. Не знаю, когда именно начала плакать: когда поняла, что Моника мне не ответит, или же, когда всерьез подумала о том, что последнее, что видел Уилл перед смертью, было мое обезумевшее от слепой ярости лицо.

— Нет, этого не может быть. Я не могла. Это сделал кто-то другой. Это должен быть кто-то другой, — шепчу я.

«Тоже самое ты говорила и восемнадцать лет назад. Но в обоих случаях в комнате была только ты и жертва...» — огрызается злобный внутренний голос.

Глава 6

11 февраля 2024 года

9:06

Желая вернуть в свою жизнь хоть немного ясности, я решила следовать заранее спланированному расписанию, а потому трясущимися руками привожу себя в порядок: закручиваю волосы на затылке, после чего прямо на голое тело натягиваю свитер и джинсы, даже не взглянув на роскошное платье от Александра Маквина, которое мечтала надеть весь этот месяц. И уже десять минут спустя влетаю в зал для торжеств, точно за мной кто-то бежал всю дорогу. В действительности же подгоняли меня только тяжелые, спутанные мысли.

Что будет, когда его обнаружат? Через час ему должны принести его костюм, который я отдала вчера горничной, чтобы его как следует отутюжили... интересно, ее остановит табличка «Не беспокоить» на двери? Черт, я ведь прикасалась к ней, там мои отпечатки... а что будет потом? Соберут всех в спортивном зале и начнут спрашивать, кто где был? Что за чушь, какой еще спортивный зал? Дебора, соберись, не нужно валить все в одну кучу... всех соберут в зале для торжеств... и среди всего этого свадебного декора мы будем делиться мыслями об убийстве, давать показания и подтверждать свое алиби....

— Вы опоздали, — сообщает Эйва Грин, возникая прямо передо мной. Смотрю по сторонам, неожиданно обнаруживая себя под нежной цветочной аркой в оформлении которой, по личному настоянию Вивьен, использованы желтые гвоздики и лаванда. В памяти тут же вспыхивает предупреждение флористки, которая уверяла меня в том, что желтые гвоздики означают разочарование, а вот лаванду в викторианской эпохе использовали для выражения то ли мести, то ли недовольства... а может, и того и другого. Сейчас, глядя на них, мне эти слова больше не кажутся пустым, ничего не значащим суеверием.

— С аркой что-то не так? — спрашивает Эйва, продолжая буравить меня своими колющими глазами. И прежде чем я успеваю что-то ответить, с издевкой добавляет: — Если мы будем тратить на каждый предмет декорации по несколько минут, боюсь, за час и до столов дойти не успеем.

Я опоздала на десять минут, но недовольство в ее голосе отчетливо дает понять, что она считала не минуты, а секунды, и я явно исчерпала выданный ею мне кредит доверия.

— С аркой все в порядке и со столами тоже. Вы хорошо потрудились, — отвечаю я, не реагируя на ее откровенные провокации.

Скоро все это станет ненужным, так какой смысл указывать ей на то, что несколько бантов на стульях завязаны криво и букеты желтых гвоздик, воткнутые в сердцевину, к церемонии явно успеют заветреться. На каждой тарелке лежит лист меню с веточкой лаванды и маленьким конвертом с указанием имени гостя, перевязанный тонкой лентой. Для удобства было бы неплохо распечатать лист с номерами столов и именами гостей — эта мысль пришла мне вчера во время банкета, но уже сегодня совершенно утратила актуальность.

Хорошо, что это свадьба для избранных... всего двадцать пять человек, перед которыми придется объясняться, когда все всплывет... Двадцать пять человек, которые приехали праздновать свадьбу, а станут свидетелями убийства... Свидетели... Черт... Наверное, допрашивать двадцать пять человек легче, чем разбираться в показаниях сотни пьяных подростков. Черт, черт, черт...

Ладони непроизвольно сжимаются в кулаки, и боль от впивающихся в кожу ногтей, помогает удерживать эмоциональное равновесие. Я не могу оступиться, не сейчас, когда Эйва идет рядом, внимательно наблюдая за моими реакциями. На глаза попадает еще один ее явный промах: имена гостей за третьим столом расставлены неверно, и теперь Энтони Шилдс с супру-

гой будут сидеть бок о бок с Барбарой Козински и ее молодым любовником, которого, по словам Вивьен, она специально притащила на эту свадьбу, чтобы подразнить Энтони — ее бывшего.

— Что-то не так? — спрашивает Эйва, заметив мою растерянность.

— Нет. Здесь все отлично. С кухней, полагаю, тоже все решено?

— В двенадцать часов мы накроем легкий ланч для гостей прямо в фойе, потому как обеденную зону мы оставили для остальных постояльцев. Ну а в четыре часа на столах будут уже стоять закуски, и мы начнем разносить первое горячее.

— Мы полагаем, а бог располагает, — слетает с моих губ одно из любимых выражений Вивьен, которое так раздражало меня весь этот месяц. А сейчас... сейчас оно как нельзя кстати подходит к ситуации. В двенадцать часов, полагаю, уже вся гостиница будет стоять на ушах, и все, без исключения, постояльцы будут толпиться в фойе в поисках свежей информации... что уж говорить про четыре часа и первое горячее, сомневаюсь, что повар вообще решит разжигать печь...

— Простите? — спрашивает меня Эйва с немного вытянутым выражением лица.

— Свадьбы редко начинаются в указанное время, — исправляю ситуацию я, растягивая губы в улыбке. И вспоминая истеричное и уже совершенно бессмысленное требование Вивьен, добавляю: — Торт уже доставили? Я бы хотела убедиться, что декор выполнен именно так, как было оговорено.

Глава 7

11 февраля 2024 года

9:45

Я должна быть у Вивьен через пятнадцать минут, но, в отличие от Эйвы Грин, она точно не будет стоять под дверью в нетерпеливом ожидании того момента, когда же я наконец появлюсь. А потому делаю небольшой, но очень опасный для себя крюк — я снова поднимаюсь на третий этаж. И на этот раз уже не пытаюсь скрыться от чужих глаз, напротив, хочу, чтобы меня видели все. Ведь скоро, очень скоро мне понадобятся свидетели, которые смогут подтвердить, где я была и что делала. Ужасно думать об этом вновь по прошествии стольких лет, но жизнь преподала мне уже однажды урок, а я всегда слыла способной ученицей.

Однако в лифте я еду в беспокойном одиночестве и в коридоре третьего этажа так тихо и безлюдно, словно все вымерли... от этого нелепого и такого избитого сравнения меня прошибает мороз, и я снова думаю об Уилле. Он единственный, кто действительно мертв.

Тяжело сглатываю, замедляясь. Теперь, когда дверь с номером 306 находится всего в нескольких шагах, я не могу пошевелиться. Стою посреди коридора, заставляя себя дышать и запрещая себе думать об Уилле и тем более вспоминать, каким он был еще вчера...

За спиной раздается звон, предупреждающий о прибытии лифта. У меня не больше пары секунд на то, чтобы справиться с эмоциями и наконец сделать то, ради чего я сюда поднялась.

Глубокий вдох... и медленный выдох.

Я продолжаю движение к цели. Позади слышны шаги и скрип колесиков тяжелой тележки. *Неугомонная горничная все еще гуляет по коридорам. Интересно, это она была здесь пару часов назад?*

Любопытство берет верх, и я резко оборачиваюсь, успев при этом натянуть на лицо улыбку, чтобы ответить на ее дежурное приветствие. Теперь у меня есть хотя бы один свидетель — миниатюрная горничная средних лет с темными короткими волосами и красной помадой на губах. Я узнаю ее из тысячи, но вот стану ли я для нее такой же яркой и запоминающейся в этом тонком бордовом свитере и джинсах, с небрежно собранным пучком мокрых волос на затылке — большой вопрос.

Самое время исполнить роль, ради которой я здесь. Шаг вперед, и я на месте. Убираю в карман салфетку, которой изначально планировала стереть свои отпечатки с таблички, потому что теперь, когда у меня есть зритель, я выбираю путь импровизации. Стучу в дверь, громко и ритмично, нетерпеливо переминаясь с ноги на ногу, будто куда-то сильно тороплюсь.

— Ты здесь? Открывай! Это Дебора! — говорю я, стараясь четко произнести свое имя, увеличивая шансы на узнаваемость в будущем.

За спиной раздается какой-то шум. Оборачиваюсь как раз в тот момент, когда двери одного из номеров открываются.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.